

Анджей Вайда у подъезда театра...

“ЗВЕЗДЫ” МИРОВОГО КИНО

В.ЕРМОЛОВ

Анджей Вайда родился в Сувалках, в небольшом городке на востоке Польши. Сын польского офицера, погибшего в Катыни. Поступил вначале в Краковскую академию художеств. Затем он решительно связал свою судьбу с кино, окончив в 1953 году Государственную высшую школу кинематографии в Лодзи. По его становлению как художника имел французский и немецкий киноавангард. Как ни парадоксально, просматривая произведе-

Имя этого польского режиссера, необычайно популярное как на родине, так и в России, стало постепенно забываться в нашей стране под девятым валом американской массовой кинопродукции, захлестнувшей экраны наших кинотеатров. Поэтому вспомнить этого великого мастера кино в год его 70-летия режиссера, прочно вошедшего в историю европейского и мирового кинематографа, не боявшегося острых тем в сложное время, сегодня просто необходимо.

ния, основанные на кубизме, сюрреализме, будущий режиссер, по его словам, осознал, что его предназначение – простые рассказы о людях. Более близким его сердцу становится вскоре итальянский неореализм. Взявшись сначала за короткометражные фильмы и сценарии, А.Вайда вскоре перешел к реализации полнометражных работ, обратив на себя внимание уже первыми лентами, среди которых ставшие классикой фильмы “Канал”, “Пепел и алмаз”, “Все на продажу”, “Пейзаж после битвы”. Его дилогия “Человек из мрамора” и “Человек из железа” стала своеобразным кинопротес-

том против коммунистического режима по сути во всех социалистических странах. Фильмы остросоциальной направленности сменились историческими картинами с мощным философским зарядом: “Дантон” и “Перстень с орлом в короне”.

Анджей Вайда – это не только кино, это также и театр. Первые режиссерские шаги были им сделаны еще в 1959 году на сцене гданьского драмтеатра постановкой “Шляпа, полная дождя”. Затем были многие интересные спектакли. Однажды режиссер откровенно сказал, что не может себе представить жизнь без работы в театре. “Кино – это моя профессия, то, чему я научился, в чем достигал успехов, но порой испытывал поражения. Это лишь мой повседневный хлеб, мои будни. Театр – это мои праздники”.

В последние годы внимание мастера привлекало японское искусство. Способствовало этому продолжительная театральная работа в Стране восходящего солнца. Одним из результатов этого увлечения стал Центр японской культуры, созданный усилиями А.Вайды в Кракове. Почти сорок фильмов сделано режиссером за 42 года активной творческой деятельности.

Его последняя лента “Страстная неделя” вызвала буквально бурю споров, но уже успела завоевать “Серебряного медведя” – престижный приз Международного кинофестиваля в Берлине.

ВАРШАВА

...и у ворот гетто

В продолжение разговора о творчестве большого художника мы предлагаем анализ его последней работы французской прессой.

Знаменитый польский режиссер в своей “Страстной неделе” затронул одну из трагедий XX века. В центре внимания – отношение польского католичества к узникам варшавского гетто. Но, как оказалось, эту тему затрагивать опасно.

У стен варшавского гетто, опутанных колючей проволокой, под звуки вальса крутится карусель. Этот образ, конечно, навсегда войдет в историю мирового кино, когда “Страстная неделя” займет надлежащее место среди других великих лент. Произойдет это, правда, не сразу, а после того, как утихнет полемика вокруг фильма. Он показывает и анализирует позицию польских католиков во время уничтожения евреев. И некоторыми лента была сразу классифицирована как антисемитская.

“Страстная неделя” – это время, умышленно или неумышленно выбранное нацистами в 1943 году, для того чтобы расправиться с еврейским населением Варшавы, уже согнанным в гетто. В фильме Вайды рассказывается одиссея пани Ирены, которой чудом удается бежать из застенков. Ее отца убили прямо на ее глазах. Ее друг Ян, молодой католик, ухитряется спрятать ее в обманчивой тиши лесного домика, где он с женой (не менее симпатичной, чем он сам) живет, укрывшись – правда, все это весьма относительно – от ужасов оккупации. Не следует, вероятно, рассказывать сюжет дальше, потому что “Страстная неделя”, будучи очень углубленным историческим исследованием, одновременно является своеобразным военным триллером, необычайно профессионально снятым и таким же сильным, как, например, “Палачи тоже умирают” Фрица Ланга.

Чего добивался Вайда, выбирая такую тему? Вернуться к роли польских католиков во время войны и в конце концов, не скрывая, сколько среди них было трусов и слепцов, показать, что множество других оказались достойными своей религии, которая проповедует заповедь солидарности. В этом угадываются Вайда, его легковоспламеняющаяся натура: сгорая от стыда при виде позорных об-

винений в адрес своих единоверцев, он все силы своего таланта употребляет на их защиту. Потому что если создатель “Человека из железа” за что-ни-

одних католиков, в то же время показывая отвагу других, проявил недостаточную гибкость при изображении Ирены.

На роль героини он выбирает актрису (и замечательную) Беату Фудалей, подчеркивает ее внешность, придавая ей, скорее, черты общеевропейские, нежели семитские. В одном из

хитрости. Он был искренен, когда снимал “Канал” – о героизме коммунистов во время войны, – и это ему стоило обвинения в сталинизме. Он был искренен, когда осудил полицейский режим в “Человеке из мрамора” и “Человеке из железа”, и его обвинили в оппортунизме, причем обвинили те же самые люди. Он был искренен, когда снял “Дантона” с Делардье и выхватил награду из-под носа у французов, чьи аплодисменты выглядели

Кадр из фильма “Страстная неделя”

будь берется, то доводит дело до конца.

Возможно, что тем, кто больше всего пострадал в этой трагедии, а именно узникам гетто, аспект, выбранный Вайдой, кажется второстепенным. Несмотря на то, что лента “Корчак”, о героическом поведении одного священника во время войны, вызвала обвинения в антисемитизме: уже тогда была подготовлена почва к тому, чтобы многие смотрели фильм с бессознательным намерением увидеть самое худшее. А тут легко увидеть это худшее. Ведь Вайда, который с достаточной тонкостью подметил низость

разговоров отмечается, что Ирена все же похожа на еврейку, то есть Ян и Анна, принимая ее, идут на большой риск.

У Вайды своя манера снимать фильм, которая придает его замыслам чрезвычайную силу и немного напоминает почерк Орсона Уэллса: он часто использует достаточно короткое фокусное расстояние и съемку с низкой точки, что делает лица более ощутимыми, а черты – более выпуклыми.

Вайда показывает людей такими, какие они есть, а не такими, какими их хотят видеть. Искренность не позволяет ему пускаться на дипломатические

немного фальшивыми.

Но все эти перипетии сделали из Анджея Вайды свободного человека, то есть такого человека, которому то и дело приписывают разные намерения. Трудно поверить, что авторы клеветнических нападок на “Страстную неделю” действительно смотрели этот фильм с открытыми глазами – открытыми в прямом или переносном смысле.

По материалам французской прессы подготовила Ольга ТИМОШЕНКО

Фото из журнала “Нувель обсерватер”